

УДК 81'373

Стаценко Анна Сергеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры педагогики,
психологии и гуманитарных дисциплин
Московского педагогического
государственного университета
(филиал в г. Краснодаре)
annaphil@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СЛОВ
С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ
КОМПОНЕНТОМ**

Аннотация:

В статье рассматривается проблема перевода слов с эмоциональным компонентом, поскольку данная группа слов зачастую вызывает наибольшие затруднения в процессе межкультурной коммуникации. Автор анализирует высказывания с эмоциональным компонентом и способы достижения эквивалентности перевода.

Ключевые слова:

лексика, междометия, коннотация, денотация, эмоциональность, эквивалентность, прагматика.

Statsenko Anna Sergeevna

Candidate of Philology,
associate professor of the chair of pedagogy,
psychology and humanitarian disciplines,
Moscow Pedagogical State University,
Krasnodar affiliate
annaphil@mail.ru

**PROBLEMS OF WORDS'
TRANSLATION
WITH EMOTIONAL COMPONENT**

The summary:

There is an analysis of the problem connected with the words' translation with the emotional component. This word group usually causes difficulties during the intercultural communication's process. The author researches the phrases with the emotional component and ways to equal translation.

Keywords:

lexis, interjections, connotation, denotation, emotionality, equivalent, pragmatics.

Теория перевода, являясь языковой дисциплиной, не может существовать изолированно. Развиваясь, она взаимодействует со многими лингвистическими разделами. Изучение особенностей функционирования единиц эмоционально-оценочной лексики в речи, а именно их коммуникативной направленности, эмоционального воздействия, которое они призваны передавать собеседнику, позволяет говорить об особой ценности той части теории перевода, которая направлена именно на язык в действии. Большинство ученых сходится на той точке зрения, что перевод – это однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другом языке и культурной среде [1, с. 75]. Перевод представляет собой особый вид сопоставительного исследования языков, в процессе которого языки не только сопоставляются, но и приравниваются, заменяют друг друга. К переводу предъявляются различные требования: воссоздания особенностей стиля и формы сообщения, передачи способа выражения, соответствия национально-культурного аспекта перевода оригиналу. Следует отметить, что все эти точки зрения, касающиеся определения перевода, не противоречат, а дополняют друг друга.

Некоторые теоретики перевода делят все тексты на информативные, художественные и публицистические. В художественном переводе перевес в ту или иную сторону приводит к ряду художественных просчетов, при этом не следует забывать, что перевод художественного произведения должен быть также художественным произведением, так как у не владеющих иностранным языком читателей нет другой возможности познакомиться с иностранными текстами.

В истории становления науки переводоведения выделяется несколько теорий перевода: денотативная, трансформационная, семантическая, теория уровней эквивалент-

ности. Эти теории не отражают в полной мере всего объема процесса перевода, но их выделение основано на возможных точках соприкосновения перевода и оригинала. Так, по мнению А.В. Федорова, при их соотношении могут наблюдаться следующие процессы: сглаживание перевода в угоду какому-либо литературному направлению, формальное воспроизведение оригинала вопреки требованиям переводного языка (ПЯ), искажение индивидуального своеобразия подлинника в результате произвольного истолкования, полноценная передача индивидуального своеобразия подлинника с полным учетом всех его существенных особенностей и требований языка перевода [2, с. 293].

Центральным в переводоведении, по мнению многих ученых, является понятие эквивалентности. Отклонение от эквивалентности может идти в двух направлениях: к буквальному и вольному переводу. В **буквальном** переводе эквивалентность устанавливается лишь на уровне языковых знаков: *They locked the door to keep thieves out* – *Они заперли дверь держать воров извне*, что иногда приводит к полностью бессмысленной информации, стремлению воссоздать текст в иноязычном материале канцелярскими способами. В **вольном** переводе эквивалентность устанавливается на уровне описания ситуации, при этом информация языковых знаков остается невоссозданной [3, с. 160].

Между двумя этими видами переводов находится центральное понятие – теория уровней эквивалентности, которая заключается в синтезе всех описанных ранее теорий перевода, а также в синтезе всех уровней содержания: цели коммуникации, описания ситуации. Теория уровней эквивалентности затрагивает: 1) уровень языковых знаков, 2) уровень высказывания, 3) уровень сообщения, 4) уровень описания ситуации, 5) уровень цели коммуникации. Рассмотрим каждый из них отдельно.

Основной единицей эквивалентности на **уровне языкового знака** является слово. Денотативный признак в слове может указывать на ряд признаков, свойственных предмету, на принадлежность к какой-либо категории (семантической, лексико-грамматической): *учитель*, *писатель*, *деятель*; коннотативный признак – принадлежность к определенному функциональному стилю, указание на эмоции, ассоциативные связи. Некоторые слова, денотат которых идентичен (при отсутствии коннотации), не вызывают в процессе перевода осложнений, но чаще всего отклонение от равнозначности все же происходит, в этих случаях в переводе используется иной объем слова: *The children worked off their wool clothes* – *Дети скинули свитера*, так как в русском языке не снимают «шерстяную одежду». Определенный денотат создает свою картину мира. Так, в английском языке муха «стоит» на потолке – *A fly stands on the ceiling*, а в русском – *Муха сидит на потолке*.

Что касается передачи эмоционально-оценочного содержания слова, необходимо установить, распространяется ли оно на все предложение или же не выходит за рамки слова. В первом случае возможно воспроизведение эмоционально-оценочного содержания нелокально: *My body squeezed up and everything else tall* – *Сам махонький, а все вокруг здоровенное*; *Yes, they seem to have enjoyed their food* [4, с. 150] – *О да, аппетит у них завидный* [5, с. 313]. Во втором – сохранение эмоционального компонента в лексической единице обязательно: *Bleak house* – *холодный дом*; *bleak walls* – *угрюмые стены*; *The fact, my dear, you're dull* [6, с. 126] – *Дело в том, дорогая, что ты невыносимо скучна* [7, с. 519].

Передача ассоциативно-образной характеристики легче всего происходит при совпадении в ИЯ (исходный язык) и ПЯ этих компонентов, как, например, в русском и английском языках слова *снег* – *snow* ассоциируются у носителей с белизной. Сложнее, если эти компоненты не совпадают, так, слово *кошка* у носителей русского языка связано с грациозностью, а у англоговорящих *cat* – с понятием «злость», в этом случае при переводе английского *cat* приходится отказываться от русского аналога, оставляя исходную ассоциативность: *Злючка!* Передача значения производного слова может идти путем лекси-

ческих потерь, но с сохранением коммуникативной адекватности: *sweethearts-sweetmeats, дружочек-пирожочек* [8, с. 78].

Эквивалентность на уровне высказывания может передаваться собственно высказыванием, независимо от содержания входящих в него единиц, и собственно сочетанием единиц. В обоих случаях важную роль играют синтаксические структуры, выбор которых зависит от ситуации и правил употребления, порядка следования элементов высказывания. В английском языке фиксированный порядок слов, именно поэтому инверсия используется как эффективный способ эмоциональной характеристики, в русском же языке с его нефиксированным порядком слов инверсия недостаточно действенна для выражения эмоциональности, в этих случаях к ней добавляют специальные слова и словосочетания: *Courage George II certainly had – В храбрости Георгу II нельзя было отказать* [8, с. 120]; *That's what I feel like* [9, с. 153] – *Я так себя чувствую* [10, с. 293].

Эквивалентность на уровне сообщения зависит от способов описания ситуации, изложения мысли, то есть опирается на внелингвистические факторы. Так, в разных ситуациях можно выявить более и менее строгий набор сообщений, например, на двери магазина написано *к себе*, по-английски *pull* – и это строгая закреплённость, в ситуации *What he says goes* можно сказать *все делается так, как он хочет, все происходит так, как он говорит* – и это менее строгая закреплённость. Именно идентичность ситуации является критерием правильности выбора сообщения в переводе.

Эквивалентность на уровне описания ситуации представляет собой экстралингвистическое явление; так, носители определенного языка могут отдавать предпочтение каким-либо ситуациям, непонятное для носителей другого языка. Например, англичане, описывая женщину, часто упоминают ее лодыжки, русские же, скорее всего, остановятся просто на ногах, поэтому эквивалентность ситуации может потребовать включения в сообщение дополнительной информации [11, с. 150]: *You are a most unmitigated cad* [12, с. 63] – *Вы хам и больше ничего* [13, с. 46].

Эквивалентность цели коммуникации включает в первую очередь информацию о цели коммуникации, поскольку сообщение порождается с целью передать какую-либо информацию, чувства, эмоциональное настроение, отношение, именно эта цель и должна быть сохранена в переводе. Речь идет уже не об эмоциональности отдельного знака, а об эмоциональности всего высказывания. Цель коммуникации для установления эквивалентности оригинала и перевода может превалировать над всеми другими уровнями за счет отказа воспроизведения содержания на других уровнях.

В лингвистике существуют разные толкования эквивалентности перевода: имеет место семантический подход, понимание динамической эквивалентности Ю. Найды и коммуникативной эквивалентности, а также говорят о вариативности определенных аспектов эквивалентности. Согласно схеме Ю. Найды, процесс перевода проходит обратный путь: от восприятия текста к его созданию, в то время как исходный текст проходит путь от порождения к восприятию, а сам процесс перевода «заключается в воспроизведении на языке-рецепторе наиболее близкого естественного эквивалента исходного сообщения, во-первых, с точки зрения значения, а во-вторых, с точки зрения стиля» [14, с. 12].

Понятие коммуникативной эквивалентности (коммуникативно-функциональной или прагматической – у некоторых авторов) включает в себя, в первую очередь, эквивалентность коммуникативных эффектов исходного текста (ИТ) переводному тексту (ПТ). Коммуникативный эффект, вслед за Л.К. Латышевым, мы понимаем как совокупность собственно текстовых (имманентных) свойств и свойств коммуникативной ситуации, включающей в себя все факторы за пределами текста, существующие как в объективной реальности, так и в сознании участников коммуникации [15, с. 22].

В большей степени понимание прагматической эквивалентности связано с теорией А.Д. Швейцера и его трактовкой эквивалентности перевода. Он указывает на необходимость учета, помимо денотативного и коннотативного компонентов, прагматического [16, с. 239].

Прагматический компонент перевода реализуется при помощи прагматической адаптации, то есть внесения поправок на социально-культурное, психологическое и иные различия между получателем оригинала и переводным тестом [16, с. 242].

В процессе перевода часто приходится сталкиваться с понятием интерференции – это отклонение от норм любого из языков, связанное с лингвокультурной принадлежностью говорящего. Наибольший интерес для нас представляет аспект взаимодействия процесса интерференции на прагматическом уровне. У. Вайнрайх, рассматривая интерференцию именно в коммуникативном аспекте, выделяет так называемую коммуникативно-релевантную интерференцию, при которой происходит искажение не информативное, а того эффекта, который производит текст оригинала на носителя ПЯ. Достижение же эквивалентности при переводе возможно даже при наличии определенных прагматических адаптаций, ведущих к расхождению прагматического характера.

На наш взгляд, понятие прагматической эквивалентности является ведущим, поскольку сам перевод создается для передачи информации, речевой интенции говорящего, но едва ли можно говорить о полной прагматической идентичности цели оригинала и перевода, поскольку интенция переводчика как бы наслаивается на авторскую, причем интенция перевода определяется вторичной ситуацией общения, ее культурным и историческим контекстом. В данном случае речь может идти об адаптации авторского намерения к коммуникативным условиям языка перевода, естественно, в известных пределах, при этом остается стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал. Под коммуникативным эффектом понимается результат коммуникативного акта, соответствующий его цели [16, с. 92].

Итак, текст оригинала творится для оказания определенного воздействия на адресата, вызова у него определенного коммуникативного эффекта, следовательно, текст перевода должен производить тот же эффект, что и текст оригинала, но каким образом можно этого достичь, если один и тот же текст у разных людей может вызывать разные эмоции, мысли, толкования? Поскольку, как говорилось, все может влиять на восприятие человеком той или иной информации, то возникает вопрос: что такое эквивалентность перевода – это чисто теоретические измышления лингвистов или недостижимый идеал? В процессе двуязычного общения нельзя вообще отказаться от понятия эквивалентности, оно должно быть ориентировано не на каждого потенциального адресата вообще, а на «отвлечение от индивидуальных ассоциаций» [17, с. 237].

Естественно, в двуязычной коммуникации между собеседниками наблюдаются различия в их мировоззрении, знаниях, опыте, но **максимальное** преодоление этих различий и должно стать целью переводческого процесса, поскольку «равенство соотношений в целом нейтрализует неравенство по отношению друг к другу их составляющих» [18, с. 23]. Кроме того, если «собрать и проанализировать все факты перевода, то выяснится, что коммуникативно-функциональная эквивалентность ИТ и ПТ... возможна в большинстве случаев» [18, с. 46].

Вследствие расхождения культур переводчику нередко приходится сталкиваться с дилеммой: либо семантическая, либо коммуникативная эквивалентность. Например, в английском языке определение *зеленоглазый green-eyed* ассоциируется с обманом и коварством, но прав ли будет переводчик, если оставит оригинальное обращение в переводе, ведь у носителей английского языка оно отнюдь не связано с красотой, и будет ли такой перевод адекватен? Скорее всего, нет, поскольку высказывание, содержащее такую

характеристику, не только не произведет задуманный автором коммуникативный эффект, но и в лучшем случае вызовет непонимание, неприятие самого произведения. Таким образом, нельзя однозначно ответить на вопрос, в каких случаях можно пожертвовать коммуникативной, семантической, структурной стороной текста, а в каких можно обойтись без особых потерь. Процесс перевода в любом случае регулируется, по крайней мере, тремя системами: природной (индивидуальной), культурно-исторической и языковой.

В процессе перевода очень важно отделить от основных факторов те, которые меняются от ситуации к ситуации. При этом не следует забывать, что только коммуникативной эквивалентности недостаточно для того, чтобы назвать перевод адекватным, при совпадении коммуникативных эффектов перевод может быть назван вольным в семантико-структурном отношении.

Понятие переводческой эквивалентности принимается нами, вслед за Л.К. Латышевым, В.Н. Комиссаровым, А.Д. Швейцером, в качестве центрального и базового. Мы будем ориентироваться именно на эквивалентный перевод, единицей которого выступает речевой акт, поскольку он распространяется на прагматический, семантический уровни, на все релевантные функции исходного и конечного текстов, а также факультативно может затрагивать и синтаксический уровень. При этом в определении эквивалентности мы следуем за В.Н. Комиссаровым, который под переводческой эквивалентностью понимает «максимальную идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода» [19, с. 75]. Содержание текста складывается из языковых знаков – в первую очередь из предложений, но содержание предложения складывается из лексических единиц – слов, которые помимо внутренней разрозненности на денотативное и коннотативное содержание линейно взаимодействуют с другими знаками в предложении и шире – со знаками языковой системы, а также соотносятся с конкретными их интерпретаторами [20, с. 58]. Нарушение каких-либо соответствий составляющих элементов языкового знака ведет к его неправильной интерпретации, а следовательно, к нарушению процесса эквивалентного перевода.

Наибольшую трудность в соотнесении знаков двух языков может представлять коннотативное содержание языкового знака, поскольку каждый народ «набрасывает» на языковые единицы свои эмоциональные представления, в результате эти различия препятствуют успешной коммуникации. Для преодоления этих препятствий собеседники должны обладать адекватной эмоционально-оценочной компетенцией, которая включает знание общих культурных кодов эмоционального общения, знание эмоциональных доминант этих кодов, знание правил и их корреляцию, знание маркеров эмоционально-этнической идентификации, знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах [21]. Поскольку определение того или иного значения эмоциональной единицы зависит от многих факторов, в том числе и невербальных, чаще семантические возможности языкового знака оказываются значительно разнообразнее, чем представленные в словарях.

Даже асимметрия эмоционально-оценочного содержания слова является меньшим препятствием к его осмыслению, чем лакунарность слова. Отсутствие полного совпадения эмоционально-оценочного содержания слов разных языков убедительно доказано в современной лингвистике. Снижение эмоционального колорита приводит к искажению речевых интенций, что в художественном произведении изменяет характеристику персонажа.

Однако и при эквивалентном переводе могут возникать частичные потери, которые касаются второстепенных, менее существенных элементов текста, но при обязательном сохранении его главных, существенных элементов, функциональных доминант, так как в каждом

языке есть типы предложений, которые, варьируя свои частные грамматические характеристики и свое лексическое наполнение, приобретают коммуникативную гибкость [22, с. 6].

В процессе перевода могут иметь место определенные переводческие преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единицы оригинала к единице перевода, обусловленные какой-либо причиной: поиском оптимального варианта перевода [23, с. 40]. Все переводческие приемы можно подразделить на два класса: подстановки и трансформации.

Под **подстановкой** подразумевается перевод «слово в слово», основанный на максимально возможном семантико-структурном параллелизме ИТ и ПТ: параллелизм семантических значений слов, словосочетаний, грамматических форм, членов предложений, моделей предложений и так далее [23, с. 95]. Из всего многообразия существующих подстановок мы остановимся на наиболее актуальных для нашей работы и наиболее трудных – лексических подстановках. Различают такие их разновидности:

1) простая лексическая подстановка – полное совпадение словарного значения ИЯ и ПЯ: *сын – son, мать – mother*, при этом лишь в крайне редких случаях объем значения иностранного слова и соответствующего ему русского в точности покрывают друг друга. Обычно русское слово оказывается семантически шире или уже, колоритнее или бледнее, экспрессивнее или холоднее, абстрактнее или конкретнее;

2) простая альтернативная подстановка – соотношение «один класс явлений ИЯ – несколько классов ПЯ»: *рука – arm, hand*;

3) сложная подстановка с дифференциацией значения – значение одной единицы ИЯ пересекается со значением нескольких единиц ПЯ, ни одна из которых не покрывает его полностью, чаще всего это многозначное слово, но эквивалент может находиться и за пределами словарной статьи: *ряд – ряд, звание, высокое социальное положение, рядовые люди*;

4) позиционно обусловленная подстановка – непересечение значений ИЯ и ПЯ, но в составе словосочетаний (чаще фразеологических) они имеют эквивалентное значение: *река – горошина, но as like as two peas – как две капли воды*;

5) безэквивалентная лексика – лексика, не имеющая соответствия: *ряженка, ба-ранки*. Существует несколько способов ее передачи: транслитерация, калькирование, описательный перевод, приближенный, примечания переводчика [23, с. 97–107].

Трансформация – удаление в некоторой степени текста перевода от оригинала. Переводческие трансформации имеют ограниченный характер, то есть могут ограничиваться жанрово (некоторые «компенсирующие» расхождения, допустимые в художественном переводе, не допустимы в научно-техническом и так далее). В.Н. Комиссаров выделяет следующие виды переводческих трансформаций: конкретизация, генерализация, модуляция, синтаксическое уподобление, членение предложений, объединение предложений, грамматическая замена, компенсация, антонимический перевод, экспликация.

Итак, переводной текст должен отвечать следующим требованиям: быть эквивалентным исходному тексту в коммуникативно-функциональном отношении, быть в максимально возможной мере (не противореча первому условию) семантико-структурным аналогом исходного текста, не содержать «компенсирующих» отклонений – лишь соблюдение всех этих условий ведет к порождению эквивалентного перевода.

Перевод рассматривается нами как межъязыковая коммуникация, единицей которой можно считать речевой акт. Использование достижений современной прагматики, в частности теории речевых актов, в переводоведении представляется весьма перспективным. Анализ переводных высказываний, выбранных их произведений С. Мозма, позволяет сделать следующие выводы:

1) часто в переводном высказывании появляется дополнительная эмоциональность, но такого рода изменения не влияют на реализацию;

2) большинство междометий, которые по каким-либо причинам не были переведены, компенсируются следующими тремя способами:

а) **лексическая компенсация** – эмоциональный элемент в переводном высказывании сохраняется путем введения в него дополнительных эмоционально маркированных лексических единиц. Например: *Well, look here, you get it over, and then we'll have a jolly evening* [24, с. 7] – *Ладно, выкладывайте поживее, а потом мы премило проведем вечер* [25, с. 32];

б) **грамматическая компенсация** – прием, при котором экспрессивность реализуется при помощи грамматических средств: *Oh, well, you walk along Edware Road one evening* [26, с. 249] – *Прогуляйтесь как-нибудь вечером по Эдвард-роуд* [27, с. 529];

в) **интонационная компенсация** – это применение интонационных способов для придания высказыванию дополнительной эмоциональности, например изменение интонации, интонационное варьирование: *Oh, what nonsense* [28, с. 291] – *Что за чепуха!* [29, с. 560].

Достижения эквивалентности переводного высказывания с прагматической точки зрения – задача первостепенная, поскольку идентичный коммуникативный эффект позволяет произвести на читателя соответствующее оригиналу впечатление. Реализация эмоциональной интенции напрямую зависит от выбранных автором высказывания лексических единиц – таким образом, эквивалентный перевод эмоционально-оценочных единиц напрямую связан с реализацией иллокутивной функции переводного высказывания.

Ссылки:

1. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. 214 с.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. 303 с.
3. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М., 1973. 215 с.
4. Maugham W. Somerset. Theatre. М., 1997. 300 с.
5. Моэм С. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. М., 1991. 569 с.
6. Maugham W. Somerset. Stories. СПб., 2000. 157 с.
7. Моэм С. Избранные произведения в 2 томах. М., 1985.
8. Комиссаров В.Н. Указ. соч.
9. Maugham W. Somerset. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. М., 1980. 237 p.
10. Моэм С. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу. М., 2004. 714 с.
11. Комиссаров В.Н. Указ. соч.
12. Maugham W. Somerset. The Moon and Sixpence. М., 1972. 240 с.
13. Maugham W. Somerset. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard.
14. Найда Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. статей. М., 1978. С. 114–136.
15. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М., 1988. 159 с.
16. Швейцер А.Д. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Shveytser A.D. Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty. М., 1988. 214 p.
2. Fedorov A.V. Osnovy obshchey teorii perevoda. М., 1983. 303 p.
3. Komissarov V.N. Slovo o perevode (ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode). М., 1973. 215 p.
4. Maugham W. Somerset. Theatre. М., 1997. 300 p.
5. Moem S. Sobranie sochineniy v 5 tomakh. Vol. 2. М., 1991. 569 p.
6. Maugham W. Somerset. Stories. SPb., 2000. 157 p.
7. Moem S. Izbrannye proizvedeniya v 2 tomakh. М., 1985.
8. Komissarov V.N. Op. cit.
9. Maugham W. Somerset. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. М., 1980. 237 p.
10. Moem S. Pirogi i pivo, ili Skelet v shkafu. М., 2004. 714 p.
11. Komissarov V.N. Op. cit.
12. Maugham W. Somerset. The Moon and Sixpence. М., 1972. 240 p.
13. Maugham W. Somerset. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard.
14. Nayda YU.A. K nauke perevodit'. Printsipy sootvetstviy // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike : collection of articles. М., 1978. P. 114–136.
15. Latyshev L.K. Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya. М., 1988. 159 p.
16. Shveytser A.D. Op. cit.

-
17. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // *Übersetzungswissenschaftliche Beiträge* 3. Leipzig, 1980. 157 p.
 18. Латышев Л.К. Указ. соч.
 19. Комиссаров В.Н. Указ. соч.
 20. Латышев Л.К. Указ. соч.
 21. Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // *Вопросы психологии: АПН СССР*. 1991. № 6. С. 111–117.
 22. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983. 198 с.
 23. Латышев Л.К. Указ. соч.
 24. Maugham W. Somerset. *The Moon and Sixpence*.
 25. Maugham W. Somerset. *Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard*.
 26. Maugham W. Somerset. *Theatre*.
 27. Мозм С. *Собрание сочинений в 5 томах*. Т. 2.
 28. Maugham W. Somerset. *Theatre*.
 29. Мозм С. *Собрание сочинений в 5 томах*. Т. 2.
 17. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // *Übersetzungswissenschaftliche Beiträge* 3. Leipzig, 1980. 157 p.
 18. Latyshev L.K. Op. cit.
 19. Komissarov V.N. Op. cit.
 20. Latyshev L.K. Op. cit.
 21. Shakhovskiy V.I. O roli emotsiy v rechi // *Voprosy psikhologii: APN SSSR*. 1991. No. 6. P. 111–117.
 22. Arutyunova N.D., Shiryayev E.N. *Russkoe predlozhenie. Bytiyniy tip (struktura i znachenie)*. M., 1983. 198 p.
 23. Latyshev L.K. Op. cit.
 24. Maugham W. Somerset. *The Moon and Sixpence*.
 25. Maugham W. Somerset. *Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard*.
 26. Maugham W. Somerset. *Theatre*.
 27. Moem S. *Sobranie sochineniy v 5 tomakh*. Vol. 2.
 28. Maugham W. Somerset. *Theatre*.
 29. Moem S. *Sobranie sochineniy v 5 tomakh*. Vol. 2.